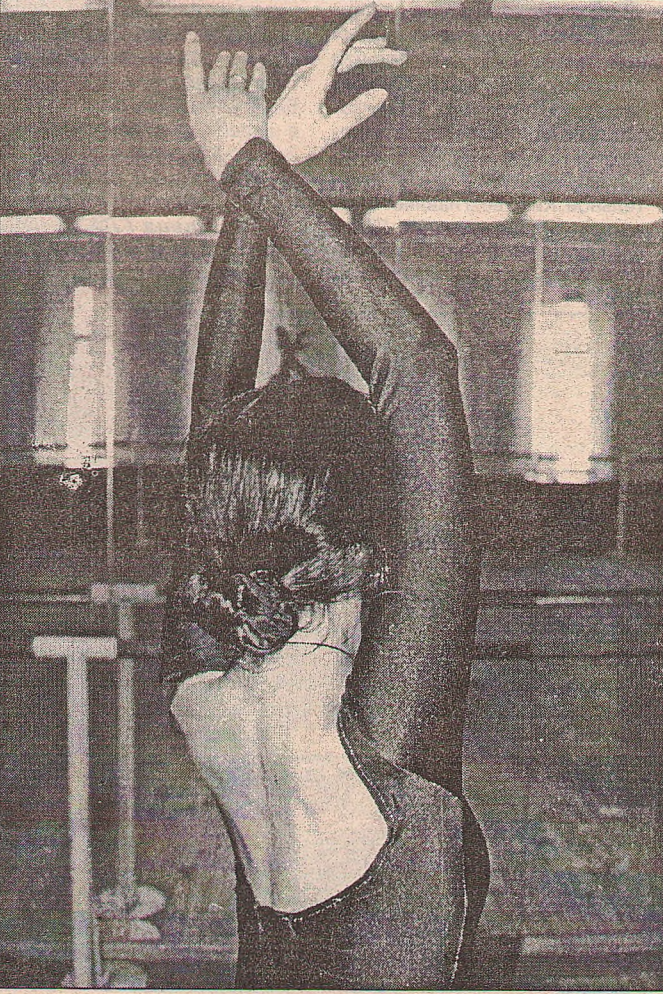

Балет ТЫ — БОГ!

Балет... Сколько раз в детстве сотни девочек, ухватив краем глаза фрагмент экранного черно-белого «Лебединого озера», наматывали вокруг талии кусок старого тюля, упирались носками детских туфель в пол и до умопомрачения вертелись перед зеркалом, закидывая руки! Сколько юных дев вот уже сколько лет спят и видят себя в роли Одетты или Жизели в белой воздушной пачке! Все ради прихода прекрасного принца, конечно. Окажись их намерения серьезными, провалиться сцене Большого театра в тартарары от наплыва стаи умирающих лебедей. И слава мечте, что позволяет соблюдать баланс возвышенного и земного. Но в том-то вся и соль, что, видя на сцене сонм артистов - от оперы до буффонады, - зритель рукоплещет многим, но мечтает видеть себя в балете. Ибо хоть на минутку хочется мысленно перевоплотиться в прекрасное и возвышенное, но отнюдь не в Монсеррат Кабалье.

Ex libris

Доказано временем: признак живучести жанра - как можно более частое упоминание о нем в литературе, классической или массовой - неважно. Книжки передают мироощущение не столько писателя, сколько читателя, который ищет в печатном слове проекцию собственных чувств.

Поднимаемся в ложу. «...Балет есть замок красоты, чьи нежные жильцы от прозы дней суровой пиликающей ямой оркестровой отделены. И задраны мосты».

Это Бродский. Поэт, эстет и скептик, не особо баловавший искусством высокими оценками, на сей раз попал в самое яблочко. Пластика и грация на сцене обычным людям кажутся действительно явлением неземным. Недостижимым, к чему нельзя даже приблизиться. Балетные люди представляются кем-то вроде эльфов, которые летают по сцене, имея за спиной пару прозрачных крылышек, и пьют только утреннюю росу.

Из той же лирики: «Мы видим силы зла в коричневом трико, и ангела добра в невыразимой пачке. И в силах пробудить от элизийской спячки овации Чайковского и Ко».

Тоже верно сказано - мало того, что балет вынимает душу публики, он делает это без слов. Только тело и музыка. Оттого и краски сгущены, и нюансов несколько меньше, но зато каков сценический накал!

А теперь зачехлим лорнет и спустимся в партер. О чем непаует публика? О-о, все по-

нятно! «Ах, эти де-вуш-ки в трико так ранят сердце глубоко!» Или «Красотки, красотки, красотки кабаре, вы созданы лишь для развлечения!» Тоже рифмы. И тоже о балете. Другом - дерзком, экспрессивном, чувственном.

Тепло, тепло, горячо, обожжешься! Слава богу, вот он, вывод - балет разный, но един во многих лицах. Классика, модерн или нечто, не поддающееся описанию - все живет по одним и тем же законам, но выглядеть старается по-разному.

Но самое удивительное, что максимум существующих стилей и направлений вобрал в себя, пожалуй, только один жанр - балет театра оперетты. Так что, вместо того, чтобы лить слезы об упадке театра, лучше представить, как нам с вами повезло.

«Балет в оперетте - это еще та работа. Сегодня ты принц в классическом па-де-де, завтра цыган в разухабистой пляске, послезавтра нужно танцевать в эстрадных ритмах. Все зависит от спектакля. Только успевай перестраиваться! Стилистика расплывчата, размыта. Зато есть возможность попробовать себя во всем. Показать зрителю, что ты интересен в любом образе, а не только в классическом белом трико».

Уроки французского

Утро балетного танцовщика начинается с урока. Да-да, с

обыкновенного урока хореографии на 45 минут. Затем идет отработка нового сценического материала или повторение текущего репертуара. Работы хватает.

В лучшие времена в классе с зеркальным стенами занималось двенадцать мужчин и столько же девушек. Сегодня соотношение пять к семи, но урок проходит по-прежнему. Причем, постороннему на первых порах кажется, что он попал слегка не по адресу. В зале то и дело слышится французская речь, только без гласирования.

- Пожалуйста, тондю-батман-жэтэ! Рондэ жам партэ! Ассамбле, ассамбле, ассамбле - жэтэ!

Французские термины для танцовщиков - самая настоящая азбука, названия движений и связок. Бог ты мой, сколько шарма и загадочности! Но, в то же время, кто бы мог подумать, что под это воркование нужно так напрягаться! Держу пари, если балетных мечтательниц привести в класс хотя бы на полчаса, от их наивных грез о воздушных полетах не осталось бы и следа. Парение в воздухе - это труд, пот, слезы и бесконечные упреждения. Эффектные поддержки - оттачивание умения сгруппироваться и чувствовать партнера. Это старания, от которых балетные тапочки рвутся за четыре дня.

Короче говоря, минутам возвышенности предшествует

длительная каждодневная черновая работа.

И отчего-то по-новому ощущаются знакомые «балетные» строки. Вот старенький, но поджарый Дидло каждый день говорит балерине Истоминой: «Мадемуазель Евдокси! Пирует - па-де-ша - пор де бра-баттю!» И мадемуазель Авдотья репетирует до седьмого пота. Зато потом насмерть стреляются Шереметьев с Завадовским, и из зала пулей вылетает всклокоченный Пушкин, чтобы под впечатлением записать: «Одной ногой касаясь пола, другою медленно кружит, и вдруг прыжок, и вдруг летит! Летит как пух из уст Эола. То стан совет, то разовьет и быстрой ножкой ножку бьет».

А на уроке «быстрая ножка» всего лишь «баттю, баттю».

«Вы только подумайте, что держит детей в хореографическом училище с третьего класса? Слава? Им еще все равно. Расчет? Дети не в этом возрасте еще не столь дальновидны. Тогда почему они терпят форменные издевательства над собственным телом? Когда стоишь по 20 минут у станки в первой позиции, и мышцы уходят от напряжения, а педагог для пущей убедительности вкладывает между ягодич пятячок. И не дай Бог, упадет. Вон из класса и то же самое отработывать в коридоре. Или поднимаешь ножку в движении рене волян на 45

градусов, на 90 и держишь такта по 64. А если опустишь ногу от усталости, тут же ее и отдернешь: внизу рука педагога с тренажером «иголка обыкновенная».

Иной раз думаешь: ну как роботы, в самом деле! Каждый день одно и то же, одно и то же! И только когда легко работается на сцене, соглашаешься сам с собой: все так и надо».

Легко ли быть богом?

«Баядера» идет на театральной сцене вот уже 30 с лишним лет. И каждый раз второй акт открывается танцем индийского бога. Весь первый акт бог с ног до головы раскрашивается бронзовой краской, пятнадцать минут танцует и весь второй и половину третьего акта отмывается. Ощущение не из приятных, кожа не дышит, но зато какой образ! Сцена просто играет.

В первых постановках божество было женского пола. Пластика присутствовала, но эффект был не тот. («Ну что там женщина может намазать и показать? У нее же все закрыто!»)

Но потом богом стал Алик Кульян. При виде шикарной открытой мужской мускулатуры зал испытал тихий восторг. С тех пор честь «мазаться богом» выпадает только сильному полу.

Золотые «доспехи бога» носил и Александр Дашков. Он приехал в театр еще в 65-м, восемнадцатилетним выпускником воронежского хореографического и помнит все взлеты и падения балетной труппы городской оперетты. И все тренировочные «жэ-э анрэ-лэ-сэ» произносятся в классе именно его голосом.

По воспоминаниям Дашкова можно смело писать антологию городской оперетты. Например, о когорте блестящих балетмейстеров - Любимцева, Вьюгиной, Лепилиной, Лян.

Как дирижер - царь и бог оркестра, так и балетмейстер для танцовщиков настоящий Пигмалион, ибо лепит из послушных гибких тел рисунок танца. У каждого балетмейстера свой почерк. Любимцев в духе 60-х ставил очень эффектные номера - по-цирковому сумасшедшие поддержки, экспрессия, фосфоризирующие тела и декорации; балерина, выходящая из разорвавшегося прозрачного сосуда.

Ангелина Лян в середине 90-х поражала оригинальным видением танца - «Начнет ставить - никто не может понять, чего она хочет. Начнет чистить - боже мой, вот это да!»

Тамара Вьюгина славилась академическим подходом, величественно ставила классику, с балетом была строга и требовательна. При ней труппа ре-

шалась даже на полноценные балетные постановки.

Но самое интересное, что в свое время из-за наших театральных кулис не раз и не два наблюдала за спектаклями Алла Сигалова. Актеры со стажем помнят большеглазую шестилетнюю девочку, с интересом смотревшую, как ее мама, ведущая солистка Тамара Вьюгина, танцует танго-апаш - со страстями, с подбрасываниями, сложными поддержками...

- Аллочка, ты не боишься, что маму уронят?

- Нет, не боюсь...

Сегодня Алла Сигалова одна из лучших балетмейстеров России. И кто знает, быть может, впечатления от блестящих постановок оперетты Красноярск-26 живы в ее памяти до сих пор.

«Балет как композиция технически сложных элементов шутки не любит. Но свои «пунктики» есть и здесь. Поддержка, когда партнер держит лежащую партнершу на вытянутых вверх руках, ласково называется «покойничек» или «гробик». Когда сидишь - «стульчик». Вокруг шеи - «горжетка». В руке на шпагате - «флажок». На этом, собственно, юмор и заканчивается. Балет - ведь это математика, и даже через всю сцену летишь на точно обозначенное место.

А если хотите про достижения - пожалуйста. Профессия балетного танцовщика стоит на 3-4 месте по травматизму. Сразу за пожарными, шахтерами и спасателями. Потому что никог-

да не знаешь, когда упадешь. У мужиков хронический радикулит - женщин на руках носить не так-то просто, у девочек больное место - голеностоп. Иной раз доктор смотрит на рентгеновский снимок и поражается: «Если бы я Вас не видел, Вашим ногам дал бы лет семьдесят!» Вот это и называется «искусство требует жертв». В буквальном смысле.

Кодекс Терпсихоры

Труппа танцовщиков в оперетте живет по своим законам. Самый первый и явный из них - закон антуража. Так уж устроена постановка, что даже самый профессиональный балет - здесь всего лишь украшение, дополнение к занимательной интриге. То, что делает оперетту искрометной, веселой и озорной. И лишь во вставных номерах - дивертисментах для балетных наступают звездный час. И зал на несколько минут забывает о героях главных и поющих, обращая взор на героев танцующих.

- Не обидно?

- Да нет. Все мы знаем, где работаем.

А вот вам закон кордебалета.

Параграф 1. Стоящий впереди всегда прав.

Параграф 2. Если стоящий впереди не прав, смотри параграф 1.

Зритель должен видеть синхронность, а не выяснять, кто

движение помнит, а кто забыл.

Еще один штрих - танцовщицу, вопреки расхожему мнению, нужны не только «поставленные» ноги. У него должна быть светлая голова. Труд артиста балета тем и сложен, что полагаться ему более и не на что, кроме собственной памяти. Забыл артист роль - взял текст. Запомнил музыкант ноты - взял партитуру. В балете нет ни слов, ни нот - все приходится держать в голове и в ногах. А если спектакль не идет год и два, и вдруг потребовалось номер восстановить... Несмотря на тягу человечества ко всяким изобретениям, записи танцев до сих пор никто не придумал.

Правило шут знает какое - не напевать перед выступлением. В балете люди сплошь музыкальные, могут запросто насвистеть любую мелодию из театрального репертуара. Но перед выходом - ни-ни! Чтобы избежать конфуза.

И, наконец, закон стройности. Его каждый выполняет по-своему. Как утверждают балерины, при ощущении лишнего килограмма всегда полезно представлять лицо партнера, который будет тебя поднимать.

«Сколько себя помню, чтобы быть худой, мне нужно умирать с голоду и падать в обмороки в классе. Еда вприглядку и день, и два, и неделю. И месяцы!!! И занятия, занятия... По ночам мне снятся пирожные - большие, вкусные, с огромной шапкой крема. Но когда я хочу их попробовать, скрипучий внутренний голос нудит, как далекая еще от совершенства. А кто-то может есть все что угодно и не поправляться. Везет же людям!

...Но вот наступает день, когда в зеркале у станка я себе неожиданно нравлюсь. Ура!!! Иду в «Арктику» и накупаю сладостей. Расслабляюсь. А утром опять голодать и к станку, к станку!»

Аплодисменты, аплодисменты!

Что ни говори, а на них приятно посмотреть. Балерины всегда юны, стройны и грациозны. Балетные мужчины ослепительны и подтянуты. Но самое главное, что вся эта красота предназначена нам, зрителям. Которые покойно развалились в плюшевых креслах, рассеяно соображают, хлопнуть ли пару раз этой группе в пестрых лохмотьях, что творит на сцене невообразимое, или подождать. Первые на этой сцене - актеры, а они - лишь вторые...

Но, черт возьми, иногда следует вспомнить, что и придворные могут играть короля так блестяще, что он сам в это верит!

Светлана КОРШУНОВА.
Фото Сергея БОГОРОДСКОГО.

